

ԲԱԺԻՆ ԵՐՐՈՐԴ

ՆՅՈՒԹԵՐ՝ ՆՎԻՐՎԱԾ
Ա. ԱԴԱՄՅԱՆԻ ՍԱՀՎԱՆ
50-ԱՄՅԱԿԻՆ (1956)

Բաժնի կազմող՝
Յա.Ի. Խաչիկյան

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

МАТЕРИАЛЫ К 50-ЛЕ-
ТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ
А.А. АДАМЯНА (1956)

Составитель раздела
Я.И. Хачикян

I. СТАТЬИ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. АДАМЯНА

В.ОСИПЯН

ВКЛАД В ЭСТЕТИКУ

Есть люди, о которых нельзя говорить без глубокого уважения. Таким человеком был Аршак Абгарович Адамян, умерший 12 лет назад, один из выдающихся представителей советской эстетической науки.

Выйдя из семьи, оставившей в истории нашего народа исключительно яркий след, А.Адамян воплощал в одном лице множество призваний: он был пианистом, дирижером, музыковедом, композитором и, наконец, эстетиком. Именно в последней области в наибольшей степени раскрылись его богатые природные дарования. главным образом: сила мышления, редкий, как сказал о нем известный советский философ, профессор В.Асмус, интеллектуальный вкус, чувство прекрасного и рельефный, объемный слог, при всей своей научности светящийся красотой и меткостью выражений.

Его имя уже хорошо знакомо советской общественности. В особенности Аршак Абгарович стал часто цитируемым автором у нас и за рубежом после выхода в свет (посмертно) второй своей книги, изданной в Москве в 1961 году, под редакцией и с предисловием профессора В.Асмуса. Первая его книга, небольшая по объему, была посвящена эстетическим воззрениям средневековой Армении и явилась единственным трудом (не считая его больших статей, опубликованных в периодической печати), изданным при жизни автора. И совсем недавно, в декабре 1967 года, в издательстве "Айастан" вышла в свет третья

книга А.Адамяна: "Статьи по эстетике", подготовленная пианистом и музыковедом Вилли Саркисяном, учеником выдающегося ученого.

"Статьи по эстетике" состоят из двух разделов. Первый посвящен истории эстетических учений (в своих, разумеется, узловых пунктах), второй — вопросам эстетической теории.

И, наконец, что еще очень важно: существование в названном труде двух разделов отнюдь не отрывает историю от теории эстетики; вся особенность лишь в акцентах исследования. В первом разделе, естественно, сделан упор на историю происхождения эстетических учений, но не забыты при этом и общественные предпосылки. Однако эти последние, т.е. общественные предпосылки возникновения тех или иных учений о красоте или об искусстве, равно и художественного мышления, но они играют уже первостепенную роль в теоретическом разделе книги. Именно здесь на них ложится главная задача в раскрытии принципов художественного мышления или сущности прекрасного. Таким образом, диалектический способ рассмотрения эстетических вопросов — там и здесь — составляет главнейшую особенность метода автора.

По мастерству изложения и богатству мыслей трудно выделить в книге какую-нибудь одну статью. В равной степени все они захватывающе интересны и написаны с блестящим знанием исследуемого вопроса. Любая статья несет с собой и определенную проблему, которую автор выдвигает на первое место и сам же решает ее с позиций марксистской гносеологии. Это и есть тот подход, который мы называем творческим. Так, в статье о Рамо — композиторе и музыкальном теоретике XVIII столетия, А.Адамян не только анализирует известный во времена Рамо спор о мелодии и гармонии, высказывая свои глубокие и обстоятельные познания в теории музыки, но и раскрывает историческую подоплеку данного спора. Кроме то-

го, он связывает свой анализ сущности музыки, проявляющейся в единстве мелодии и гармонии, с эстетическим аспектом музыкального искусства. В частности, о гармонии А.Адамян говорит, что не акустика ее решает, а чувство музыкального отношения к жизни.

Вообще все статьи первого раздела — с “теоретической сердцевиной”.

Такая “теоретическая сердцевина” пронизывает статью и о Платоне, Аристотеле, Плотине, и статьи об эстетических воззрениях Христианского средневековья, статьи об эстетике эпохи Возрождения. Впрочем, даже в тех случаях, где в теоретическом смысле нет ничего нового, самая форма изложения вопроса и свойственный автору особый, “адамянский” изгиб эстетического ума придают его высказываниям особую насыщенность и глубину.

Но, как бы высоко мы ни ставили все без исключения статьи А.Адамяна, в книге — во втором разделе — есть две, которые должны быть, по-видимому, признаны лучшими из лучших. Это “О красоте” и “Принципы художественного мышления”. На наш взгляд, они являются большим вкладом Адамяна в историю эстетики.

А.Адамян диалектически объясняет красоту предмета и несводимость красоты к своим предметным свойствам. Как это понять? Еще Кантом было замечено, что красота горы не сводится к ее физическим свойствам, в то же время, разложив гору на составные элементы, невозможно будет обнаружить в ней, помимо всех физических свойств, еще и специально эстетические свойства. То же самое можно сказать и в отношении моря, заката, радуги и вообще любого явления мира. Все они могут быть разложены на физические, химические, электродинамические и прочие элементы, вещества, стороны, но в этой их совокупности невозможно будет обнаружить и “эстетическое

вещество". Отсюда Кант делал вывод, что красота - чистая форма, не имеющая отношения к предметному миру.

Нужно сказать, что Кант всем современным и будущим эстетикам задал весьма сложную задачу: вопреки ему, доказать, что красота, хотя действительно несводима к природным качествам того предмета, через который она видна нам, не может быть все же чистой формой.

А.Адамян смело берется за разрешение этого противоречия. Владея марксистской диалектикой, ученый начинает с простейшего постулата: красивой красоты не бывает, что означает, что красота всегда выражается в ее непосредственно естественных качествах (в его молекулах, атомах, клетках и т.д.). Тут определенное противоречие, но оно — диалектическое противоречие, возникшее в ходе жизни.

Развитие общественных отношений заставляет человека относиться к миру и этически. Он оценивает, что для его жизни общественно значимо, что менее значимо и что в конце концов совсем не значимо. Но из этического отношения с логической неизбежностью должно было возникнуть и эстетическое отношение. Собственно, основу эстетического также составляет этическое, но с прибавлением чувств и фантазии. Поэтому можно было бы сказать, что эстетическое — это этическое особого рода, такое этическое, в котором человечески значимое или хорошее определяется как прекрасное, а незначимое или дурное как уродливое. В самом деле, какой человек обладает для нас красотой тела? Конечно, тот, у кого хорошее положение. А красивой душой обладает тот, у кого хорошие, ценные качества души (доброта, незлобивость, в то же время принципиальность).

Подготовкой перехода от этического к эстетическому, по А.Адамян, было любование со стороны общества этически значимым как в природе, так и общественной среде. Само любо-

вание стало для людей общественным актом, ибо оно с большей силой подчеркивало ценностное в жизни. Но любование с течением времени заставляло нежнее и нежнее биться человеческое сердце к окружающему хорошему и все суровее к тому, что было плохо, античеловечно, антиобщественно: наконец, наступает время, когда акт любования трансформируется в более сложную, духовную форму — эстетическое влечение или эстетическое чувство.

Таким образом, “красота,— как говорит А.Адамян,— есть качество предмета, когда он отражает отношение человека к миру”.

Нужно сказать, что концепция прекрасного А.Адамяна, согласно которой прекрасное рождается из этически для человека наиболее ценного, заставляющего участвовать в этой оценке уже чувства и фантазию, в настоящее время находит свою поддержку в аксиологической (аксиология по-латински — теория ценности) концепции о прекрасном. Но не забудем, что работа А.Адамяна была написана примерно за четверть века (в 1942 году) до начала аксиологического исследования красоты в нашей стране.

Но это еще не все. В большой статье “Принципы художественного мышления “ он исследует другую особенность прекрасного, а именно: красоту искусства.

Исследование этой проблемы А.Адамяном приводит его к заключению, что красота искусства — из того же источника, что и красота в действительности: этическое отношение к отображаемому плюс чувства и фантазия. Когда все эти три компонента наличны, произведение искусства прекрасно; собственно, в подлинно художественном произведении они неразрешимы, — лишь в неудавшихся произведениях они выступают в известной изолированности, в них может отсутствовать этическая основа, хотя и наличествовать — чувства и фантазия, как и наоборот.

Как видим, в таком толковании нет разрыва между красотой искусства и отображаемыми в нем любыми, в том числе и некрасивыми явлениями, ибо этическое к ним отношение, с чувствами и фантазией заставляет любой отображаемый в нем предмет выступать на этом фоне; подобно тому, как мощный прожектор освещает находящийся вдали любой предмет, так и замечательные социальные качества — этическое, чувства и фантазия (что и есть, иначе, эстетическое) вовлекают в сферу своего содержания всякий отображаемый предмет, или, лучше сказать: подобно тому, как луна, не имея собственного света, тем не менее светит на небосклоне, так и любое явление, если оно даже некрасиво, “светит” в искусстве отраженной красотой от совокупности указанных качеств.

В “Принципах художественного мышления” поставлен, и, на наш взгляд, в общем правильно решен вопрос о специфическом предмете искусства. Как известно, этим вопросом наши современные эстетики стали заниматься с 1955-56 гг. Приходится глубоко сожалеть, что труд А.Адамяна, написанный еще в 1944 году, вплоть до последнего времени оставался не известным широкому читателю. Смерть помешала ему опубликовать “Принципы художественного мышления”, в которых положение о специфическом предмете искусства решено с присущей ему проницательностью и философской глубиной.

Мы лишены возможности касаться здесь и других ценных статей А.Адамяна из второго раздела книги, в частности, таких, как “О генезисе искусства” или “Бетховен и революция”. Все они прибавляют много нового к тому, что имеет свою давнюю историю исследования в эстетике и в искусствоведении.

Потребовало поистине напряженного труда не только составление сборника В.Саркисяном, но и редакция его М.Кузанын. Подавляющая часть материалов сохранилась лишь в черновых списках покойного профессора и только трудностями

прочтения их — при неразборчивом почерке автора — и сложностью их композиционного расположения можно объяснить некоторые досадные упущения в книге, в частности, языкового порядка. В свете этих обстоятельств еще более, чем указания на упущения, следует выразить горячую признательность составителям книги.

В заключение отметим актуальную необходимость перевода этой книги, как и ранее изданных книг покойного ученого на армянский язык, ибо при отсутствии все еще значительной научной литературы по эстетике на армянском языке, перевод книги А.Адамяна сыграл бы крайне важную роль в прививании горячего интереса к эстетическим проблемам среди самых широких слоев населения.

Опубликована в газете “Коммунист”, 15.05.68г., № 111